

Известия - 1998 -
31 июля - с. 12

Труппы без головы

Режиссер ставит спектакли, главный режиссер создает театр — и во имя этого делает порой небожеские вещи. Играет на актерском честолюбии, льстит, пугает, вдохновляет, учит — и выпускает премьеры, о которых говорит весь город. У него должен быть большой талант, а в придачу горячее сердце и холодная голова, железный кулак и глаза на затылке — в противном случае он долго не протянет.

В истории каждого московского театра есть свой съеденный режиссер. Артисты Театра Ермоловой в 50-е съели Лобанова, а в 80-е — Фокина. В Театре Пушкина съели Морозова. В Театре армии — Еремина и Хейфеца. На Малой Бронной — Эфроса, Дунаева и Женовача. Таганка во имя Любимова разделалась с Эфросом; потом часть труппы стала есть Любимова, защищая самое себя...

Часто главного едят ученики, и тогда все происходит по накатанной схеме. Сначала долгий безобразный конфликт, затем портрет с траурной полосой в фойе. Потом артисты тепло отзываются о мастере в своих интервью — «он построил не театр, а Дом, семью, а в семье чего не бывает...»

Алексей Попов, создавший Театр советской армии, Рубен Симонов, выпестовавший старшее поколение Театра Вахтангова, Юрий Завадский в Театре Моссовета, Валентин Плучек, до сих пор правящий Театром сатиры, строили крепкие дома. В театре был смысл их жизни: ГлавПУР, руками артистов выставивший из ЦАТСА Алексея Попова, свел его в могилу. Главный режиссер не профессия, а предназначение. Людей, которые ему отвечают, все меньше и меньше.

Молодых режиссеров пугают нищие, обремененные раздутыми труппами, растерявшие публику театры. Другие приходят в театр и выгораживают там свой уголок: работают со своими артистами, выстраивают свой, рассчитанный лишь на часть труппы репертуар. А труппа при дружеской поддержке дирекции (или дирекция при ласковом нейтралитете труппы) разделяется с неугодными в два счета: о будущем при этом, как правило, никто не думает.

В Москве недавно съели Сергея Женовача. Один из самых тонких сегодняшних режиссеров два года проработал на Бронной главным. Он выпустил несколько изумительных спектаклей, но своим на Бронной так и не стал. Женовач занимался тем, что ему интересно: критика аплодировала, но кассы он не делал. Сильный человек Бронной, директор театра Илья Коган (на его счету Дунаев и Эфрос) помог режиссеру принять нужное решение. После этого о Бронной забудут и ее прежние поклонники. Элитарному зрителю она теперь малоинтересна, широкого — не привлекают и спектакли противников Женовача.

В провинции последней жертвой стал Владимир Берзин, главный режиссер Крас-

ноярского ТЮЗа. «Известия» уже писали об этой истории — директор театра не продлил контракт с главным режиссером, труппа раскололась, администрация генерала Лебеда махнула на конфликт рукой. На днях поставлена точка: Владимира Берзина в Красноярске нет, грант Фонда Сороса (20 000 долларов), предоставленный ему для постановки написанной по мотивам «Ромео и Джульетты» пьесы Клима (Владимир Клименко), из театра забрали.

Передо мной кипа красноярских газет — ба, все тот же, до боли знакомый расклад! Часть актеров и городская критика на стороне Владимира Берзина, сторонники дирекции упрекают его в элитарности и в том, что его спектакли не собирают полные залы. Между оппонентами мечется новый и.о. главы комитета по культуре лебедевской администрации Владимир Кузнецов, кинодокументалист. Судя по его статье, он не вполне против («Эксперимент постановки спектакля «Ромео и Джульетта» имел бы положительное значение»). Судя по другой — не вполне за («пусть ставят экспериментальный спектакль на малой сцене»). Общий пафос сформулирован предельно четко («Зачем же делать из меня монстра?»).

Владимиру Берзину есть что предъявить: на последнем фестивале «Театральная весна» его спектакль «Сваха» взял сразу пять «Хрустальных масок». Его недругам есть что сказать. Пьеса Клима — «стеб обкурившегося интеллектуала», сам автор «широко известен в узких кругах». Отказываться от спектакля, на который выделил деньги Сорос, нелепо. Поддержать Берзина — невозможно. В обновленном генералом Лебедем Красноярске интеллектуальные, экзерсисы Клима будут смотреться странно. Кассы спектакль, «осмысляющий» текст трагедии Шекспира в рамках многовекового культурного опыта», заведомо не сделает. Разумнее всего умыть руки — тем более что в этом замешано и нечто иное, не имеющее отношения к творчеству.

Берзин во всем винит «третью силу». Тюзовский режиссер, член партии Лебеда, стал депутатом местной Думы и теперь готовит себе посадочное место в театре — в кресле главного... Да вот и его статья: Леонид Федотенко пробует взглянуть на проблему глазами режиссера ТЮЗа. Долой театр, «который посещает узкая прослойка эстетствующей публики», потратим деньги на театр, «проповедующий любовь и добро»... Давайте потратим, если они есть, но только где мы возьмем такой театр? От словесных пассажей он не возникнет.

Красноярск потерял спектакль, о котором бы говорили. Съеден очередной главный; та же участь, скорее всего, постигнет и преемника Берзина. Борьба с театральным начальством — увлекательный процесс, но в конечном счете это захватывающее занятие ни к чему не ведет.